

Т.И.Кошелева

ДВЕ РЕДАКЦИИ АКАФИСТА СВЯТЫМ ЦАРСТВЕННЫМ СТРАСТОТЕРПЦАМ

Статья посвящена описанию структурных, языковых и стилистических особенностей акафиста Святым Царственным страстотерпцам, являющегося типичным образцом современного акафистного творчества. Анализ материала осуществлен в сравнении с лучшими русскими акафистами на церковнославянском языке.

Ключевые слова: акафист, гимнография, икос, кондак, рифма, аллюзия, образ

Почитание святых царственных страстотерпцев — императора Николая II и его семьи, как это обычно и бывает в православной среде, стало складываться задолго до их официального прославления. И тексты первых акафистов, посвященных им, известны уже с этого времени.

А тот факт, что в 1981 году члены царской семьи были канонизированы Русской Зарубежной Православной Церковью, способствовал появлению новых церковнославянских богослужебных текстов не только за рубежом (где после канонизации эти тексты были официально утверждены), но и среди христиан Русской Православной Церкви. И если текст церковного богослужения бывает, как правило, составлен лишь после официального прославления святого, поскольку без этого невозможна церковная служба, то акафисты (как жанр, употребительный не столько в богослужении, сколько в домашней молитвенной практике), естественно, появляются задолго до канонизации святого. Более того, и после официального прославления и появления утвержденного Священным Синодом текста акафиста новые акафисты продолжают создаваться. Почитание Царской семьи в этом отношении очень примечательно: по подсчетам священника Феодора Людоговского уже в 2010 году было известно **23 акафиста** святым Царственным страстотерпцам. «Ни один святой не только Русской, но и Вселенской Церкви не вызывал в церковном народе такой активизации богослужебного (и не только акафистного) творчества» [1].

Однако официально принятыми считаются лишь те богослужебные тексты, «которые были одобрены Синодальной Богослужебной комиссией и утверждены на заседании Священного Синода» [1, с. 75].

Российский император Николай II и члены его семьи были канонизированы Русской Православной Церковью в 2000 году, в 2001 году была утверждена служба святым Царственным страстотерпцам, а в 2002 году на рассмотрение Священного Синода был вынесен текст акафиста, но утвержден он был после значительной переработки лишь 2009 году. Именно эти два последних варианта акафиста и будут рассмотрены в предлагаемой статье.

Известно, что как жанр церковной гимнографии акафист является подражанием первому (и первоначально единственному) Акафисту ко Пресвятой Богородице. Первые такие подражания появились, по словам прот. Максима Козлова, «лишь на исходе византийской эпохи» [2]. На церковнославянском языке это были первоначально переводные акафисты, а с середины XVII века получили распространение оригинальные славянские (русские) акафисты. Значительная часть оригинальных акафистов на церковнославянском языке написана в XXI веке.

Акафист ко Пресвятой Богородице считается исключительным по своим художественным особенностям: исследователями отмечается своеобразное композиционное построение первого акафиста, его метрическая организация, ритмический рисунок, поэтические и языковые особенности. В переводах Акафиста, в том числе славянском, некоторые его ценности утратились, а в оригинальных русских акафистах многие особенности первого акафиста и не могли быть в полноте воспроизведены. Однако и переводные, и оригинальные славянские акафисты, особенно первые, являются замечательными образцами гимнографического творчества, сочетающими в себе и стройность формальной организации, и красоту поэтического слога, и насыщенную продуманной системой выразительных образов содержательную сторону.

Но акафист, становясь в наше время, по словам А.А.Чуркина, явлением «массовой литературы» [3], неизбежно теряет свои художественные достоинства. И речь идет не только о том акафистном творчестве, которое не получило официального утверждения, но и о тех акафистах, которые рекомендованы к использованию Священным Синодом.

А между тем основные критерии, которым должен соответствовать акафист, сформулированы еще в начале XX века: в 1903 году вышел в свет фундаментальный труд профессора Казанской духовной академии Алексея Васильевича Попова «Православные русские акафисты» (в 2013 г. книга переиздана в Москве). Критерии эти сформулированы, конечно, не как конкретные рекомендации составителям акафистов. Автор посредством глубокого разностороннего анализа огромного количества акафистов (от древних до современных ему), выявляет достоинства и ценности одних и недостатки других.

Еще раньше, во второй половине XIX века, в опубликованном собрании писем святителя Феофана Затворника можно было найти советы составителю акафистов, основанные также на внимательном сопоставлении текстов акафистов разного времени.

Наконец, современные исследователи акафистного творчества продолжают выявлять те достоинства и недостатки, которые являет акафистное творчество.

Представляется интересным взглянуть на текст акафиста Святым Царственным страстотерпцам (в двух его редакциях), представляющего собой типичный образец современного акафистного творчества на церковнославянском языке, с точки зрения соответствия этим критериям.

В структурном отношении акафист Царственным страстотерпцам (далее АЦС) соответствует традиционным образцам акафистного творчества. Он, как и положено, состоит из 25 строф: 13 кондаков и 12 икосов, чередующихся друг с другом. Каждый кондак и начало каждого икоса содержат повествование, касающееся жизни святых, а в икосах к повествовательной части добавляется так называемая прославительная, хвалебная часть, состоящая из возглашений, «хайретизмов» («херетизмов»), каждый из которых начинается со слова *РАДУЙТЕСЯ*. Последнее такое возглашение, является рефреном, повторяющимся в каждом икосе: в утвержденной Синодом редакции АЦС — рефрен *Радуйтесь, святии царственнии страстотерпцы, земли Российския хранителие и молитвенницы*.

С точки зрения количества хайретизмов в каждом икосе АЦС не является полным, классическим. Идеалом в этом случае считается Великий Акафист, в котором каждый икос состоит из 12 хайретизмов (не считая рефрена). В обеих рассматриваемых редакциях АЦС — 8 хайретизмов в икосе. Но это, конечно, не делает его хуже других, во-первых, потому что определенное число возглашений не является строгой нормой, каноном, и в разных русских акафистах мы видим от 5 до 12 возглашений; во-вторых, потому что 8, так же, как и 12 — количество строк, удобное для пения. Тот напев, на который традиционно распевается акафист, состоит из повторяющейся мелодии, рассчитанной на 4 строки.

При составлении Акафистов соблюдается еще одна «формальная» традиция: каждый кондак и каждый икос начинается с определенных слов или однокоренных образований (1 икос: *ангел (ангельский)*, 2 кондак: *видети (видя, видевши)* и т. д.). Ф.Людоговский называет их «строфическими ключами» [4]. Это славянский перевод греческих начальных слов Акафиста ко Пресвятой Богородице, первые буквы которых составляли греческий алфавит. Таким образом, Акафист ко Пресвятой Богородице представляет собой алфавитный акростих. Этим объясняется и количество строф в акафистах. Первый кондак в акростих не входит, а количество последующих икосов и кондаков — 24, столько, сколько букв в классическом греческом алфавите. Конечно, при переводе на церковнославянский язык акростих не прослеживался, но традиция употребления строфических ключей укоренилась и в оригинальных акафистах на церковнославянском языке.

Что касается АЦС, то и в нем эта традиция имеет место, но в середине акафиста строгое соответствие устоявшемуся канону даёт сбой: 8 икос АЦС редакции 2002 года начинается не со слова *весь (всяк, всяческий)*, а со слова *вышний*: *К вышним душою детскою, яко Ангел, устремляясь, святыи царевичу Алексие, родители, сестры, сродники и ближняя искренне возлюбил еси*.

В варианте 2009 г. этот сбой не устранён: либо редакторы не обратили на него внимание, либо не посчитали необходимым строго придерживаться формальных правил. Хотя исследователи акафистного творчества в некоторых русских акафистах усматривают попытки придать такого рода формальности определенную значимость: в таких текстах тема, заданная первым словом икоса, поддерживается содержанием хайретизмов, например, употреблением того же слова, но в другом контексте и иногда в другом значении. Так, в акафисте святителю Никите Новгородскому, в 1 икосе, начинающемся со слова *ангел*, первое возглашение: *Радуйся, Никито, **ангелов** равностоятелю*. В 8 икосе, который традиционно начинается словом *весь (всякий)*, — *Радуйся, во **всяких** нуждах скорое поможение*. Ни в первой, ни во второй редакции АЦС такого приема нет: содержание хайретизмов хоть и является продолжением повествовательной части икоса, но никакими специальными приемами эта связь не поддерживается. Но надо сказать, что и в других русских акафистах это является редкостью.

Еще одна традиционная особенность формальной организации акафиста — ритмический рисунок, в частности рифма. В повествовательной части акафистов (кондаках и начальных строках икосов) ритма и рифмы нет, а вот хайретизмы во многих акафистах попарно рифмуются. Хотя рифма эта не является такой безусловно строгой, как в светских поэтических произведениях: *Радуйся, предивный целомудрия **хранителю**, радуйся, постнического жития истинный **любителью***. *Радуйся, светозарная молние, Новград Великий весело **озаряющая**, радуйся, луче светосиянная, демонскую тьму **разгоняющая*** (Акафист свт. Никите Новгородскому).

Обе редакции АЦС в этом отношении следуют традиции: хоть и нерегулярная, но рифма в большинстве возглашений прослеживается, причем, некоторые изменения, внесенные в вариант 2009 года, по сравнению с редакцией 2002 г. выигрывают как раз появлением рифмы, хоть и не всегда точной:

2002: *Радуйтесь, христианского благочестия твердое **правило**,*

*Радуйтесь, православных веры крепкое **исповедание**.*

2009: *Радуйтесь, христианского благочестия твердое **правило**,*

*Радуйтесь, царственного рода Российского **похвало**.*

В Акафисте ко Пресвятой Богородице (оригинале) ритмический рисунок текста гораздо сложнее: в каждой паре хайретизмов «одна строка зеркально отражает другую: ...они связаны регулярной парной рифмой, т.е. каждое слово в одной строке зарифмовано с соответствующим ему (словом) в другой» [2]. Такую рифму, конечно, в переводах невозможно сохранить. Нет ее и в оригинальных акафистах на церковнославянском языке.

Но, по словам Алексея Попова, ритм звуковой в русских акафистах «заменен ритмом мыслей». «Этот внутренний ритм проявляется в параллелизмах мыслей и образов, внешне выражаясь в возгласениях, соединённых между собой попарно» [5].

Исследователями отмечается параллелизм как одна из сильных сторон церковнославянского творчества (не только акафистного), это продолжение еще ветхозаветных принципов поэтики. В русских акафистах выделяют:

— **синонимический** параллелизм: употребление симметрично построенных строк, где вторая дополняет мысль, высказанную в первой, синонимом: *Радуйся, отче, отцев славная красото, радуйся всех богомудрых премудрая доброто* (Акафист свт. Николаю);

— **антитетический** параллелизм: во второй строке мысль высказана посредством противоположных по значению слов, также выстроенных симметрично: *Радуйся, яко во глубину смирения приникл еси. Радуйся, яко на высоту добродетелей возшел еси* (Акафист Митрофану Воронежскому);

— **синтетический** параллелизм: сказанное в первой строке пополняется объяснением причин или следствий во второй строке (продолжение мысли): *Радуйтесь, путь правый в Царство Небесное обретиши, радуйтесь, сим путем невозвратно шествовавшии.* (Акафист Борису и Глебу).

К сожалению, такая сильная сторона церковнославянской гимнографии в АЦС очень скудно представлена: можно отметить лишь последний из указанных типов — синтетический параллелизм, и то с натяжкой:

Икос 10 (царю-страстотерпцу Николаю):

*Радуйся, полков Российских мудрый предводителю,
Радуйся, ратных людей христолюбивый попечителю.
Радуйся, мечи на орала прековати призывавый,
Радуйся, мир имети со всеми языки преискренне желавый.*

Икос 12:

*Радуйтесь, яко прославлению вашему Церковь радуется,
Радуйтесь, яко чудесы вашими вера укрепляется.*

Ни в первом варианте АЦС (2002 г.), ни в измененном (2009 г.) других типов параллелизма не встретилось.

Еще одной ценностью русских акафистов Алексей Попов считал использование системы **образов**, дающих представление о подвигах святых. Образы эти также заимствуются из традиций богослужебного творчества. Духовное подается в символах материального и в лучших образцах акафистной поэзии поддерживается целой цепочкой однотипных образов. А.В.Попов приводит примеры:

Икос 8 акафиста свт. Алексею Московскому:

*Радуйся, горо, добродетельми выше небес вознесенная,
Радуйся, реко, скверны наша омывающая,
Радуйся, источнице, жажду греховную утоляющий* [5, с. 387].

Похожих цепочек связанных между собой образов в рассматриваемом акафисте почти нет. Мы обнаружили только одну (**корень — отрасль — прозябение**):

Икос 2:

*Радуйтесь, корене благочестиваго преславныя отрасли.
Радуйтесь, Патриарха Российскаго Филарета святое прозябение* (2009 г.).

Великой познавательной и назидательной силой в акафистах, по словам святителя Феофана Затворника, являются образы, непосредственно отсылающие нас к Священному Писанию [6]. Такие аллюзии в АЦС обнаруживаются, причем, являются в тексте удачно вплетенными в повествование о житии святых.

Икос 3: *Радуйся, терпение Иовле в сердце твоём имевый (напоминание о праведном Иове Многострадальном, в день памяти которого Николай II родился);*

Икос 7: *Радуйтесь, невесты Христовы, в чертогах Жениха Небеснаго пребывающыя (отсылка к евангельским образам Жениха, брачного пира и брачного чертога).*

Икос 6, воспевающий христианский брак царя Николая и царицы Александры (пожалуй, самый образно-вдохновенный):

Радуйтесь, двоице святая, славою и честью от Бога венчанная.

Радуйтесь, чада ваша, яко новосаждения масличная, окрест трапезы Небесныя собравшии. (слова из 127 псалма, текст которого входит в чин венчания, так же, как и сочетание славою и честью).

Жаль, что такая отсылка к псалму 127 оказалась неполной, незаконченной: строка, продолжающая приведённый текст «*Радуйтесь, целомудрие супружеское многочадием прославившии*» не содержит скрытой цитаты, а ведь в псалме есть образ многочадия: «*Жена твоя яко лоза плодовита в странах дому твоего*» (Пс.127).

Некоторые из таких библейских образов, скрытых евангельских цитат, есть в редакции 2002 г. К сожалению, в утверждённый Синодом вариант они не вошли:

Икос 1: *Радуйтесь, не яко наемницы, но сыны Божии, Господу угодившии;
радуйтесь, яко и звания друзей Божиих удостоившиися.*

Икос 10 (царю Николаю): *радуйся, евангельски сподобивыйся/ блаженства миротворцев стяжати.*

Таким образом, Акафист Святым Царственным Страстотерпцам в конечном своем варианте представляет собой современное гимнографическое произведение, стройное в композиционном отношении, с хорошим слогом, написанное грамотным церковнославянским языком. Однако художественные его достоинства немногочисленны. Не нашлось в нем места тем выработанным веками стилистическим приёмам, которыми славятся русские акафисты. Существует мнение, что текст акафиста, поскольку он используется не столько в храмовом богослужении, сколько в келейном употреблении, должен быть более прост для восприятия по сравнению с текстом службы, в нем не должно быть сложных построений, многозначных образных конструкций. Но ведь текст богослужения не имеет той доступности, которой обладает акафист, и используется он, как правило, 1—2 раза в год — в день празднования памяти святого (святых). А акафист доступен для верующих, читать его можно каждый день. Имея такой текст перед глазами, каждый обладает возможностью поразмыслить над ним. И тогда сложное не покажется таким непонятным, многозначные смыслы будут доступны для восприятия, и воздействующая сила такого жанра церковной гимнографии, как акафист, окажется вполне востребованной.

1. Священник Феодор Людоговский, диакон Максим Плякин. Хвалебные гимны подвижникам. Современные особенности акафистного творчества // Журнал Московской Патриархии. 2010. № 6. С. 70.
2. Прот. Максим Козлов. Акафист в истории православной гимнографии // ЖМП. 2000. № 6. С. 84.
3. Чуркин А.А. Русский акафист середины XIX — начала XX века как жанр массовой литературы // Материалы XXXVI Международной филологической конференции. Вып. 21: Кафедра Истории русской литературы / Под ред. А.О.Большева. СПб., 2007. С. 23-33.
4. Людоговский Ф.Б. Структура и поэтика церковнославянских акафистов. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 130.
5. Попов А.В. Православные русские акафисты. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. С. 365.
6. Феофан Затворник, свт. Собрание писем. Вып. 2. М., 1898 (репр. 1994) [Электр. ресурс]. URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Feofan-Zatvornik/sobranie-pisem-2.html> (дата обращения: 01.02.2019).

References

1. Svyashchennik Feodor Lyudogovskiy, diakon Maksim Plyakin. Khvalebnye gimny podvizhnikam. Sovremennyye osobennosti akafistnogo tvorchestva [Praises to hermits. Akathist creativity today]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii, 2010, no. 6, p. 70.
2. Prot. Maksim Kozlov. Akafist v istorii pravoslavnoy gimnografii [Akathist in the history of Orthodox hymnography]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii, 2000, no. 6, p. 84.
3. Churkin A.A. Russkiy akafist serediny XIX — nachala XX veka kak zhanr massovoy literatury [Russian akathist of the middle of the XIX — early XX century as a genre of popular literature]. Proc. of “XXXVI Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya”, iss. 21. St-Petersburg, 2007, pp. 23-33.
4. Lyudogovskiy F.B. Struktura i poetika tserkovnoslavjanskikh akafistov [Structure and poetics of the Church Slavonic Akathists]. Moscow, 2015, p. 130.
5. Popov A.V. Pravoslavnye russkie akafisty [Orthodox Russian Akathists]. Moscow, 2013, p. 365.
6. Feofan Zatvornik, svt. Sobranie pisem. Vyp. 2 [A collection of letters. Iss. 2]. Moscow, 1898 (repr. 1994). Available at: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Feofan-Zatvornik/sobranie-pisem-2.html> (accessed: 01.02.2019).

Kosheleva T.I. Two editions of the akathist to the Holy Royal Passion-bearers. The article is devoted to the description of the structural, linguistic and stylistic peculiarities of the Akathist to the Holy Royal Martyrs, which is a typical example of modern Akathist creativity. The analysis of the material was carried out in comparison with the best Russian akathists in Church Slavonic.

Keywords: akathist, hymnography, ikos, kondak, rhyme, allusion, image.

Сведения об авторе. Татьяна Ивановна Кошелева — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, tatkosh68@mail.ru.
Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.